

Трёхметровая сложенная из человеческих черепов стена, мост, похожий на позвоночник неведомого чудовища, перекинутый через ров наполненный лавой, ведёт напрямик к костяным воротам. За стеной возвышается мрачный замок — фантазия больного на голову архитектора. Словно отлитый из жидкого камня он весь покрыт странными светящимися символами. Не самый большой, конечно, но все же замок. Во дворе снуют бесы и низшие демоны всех форм и размеров. Обстановка тоже под стать донжону — все пространство заставлено орудиями пыток на любой вкус: котлы с кипящим маслом, дыбы, гильотины... Причем все это неустанно работает, «обслуживая» целые толпы грешников, отчего вся округа домена буквально залита криками боли, визгом, мольбами и стенаниями. На самом вершине донжона, на балконе стоит фигура — на первый взгляд человек, только очень высокий. С черными перепончатыми крыльями, длинными кривыми когтями и клыками, которые выступают из-под верхней губы. Худой как скелет, с молочно-бледным лицом, длинные волосы достигают до лопаток. Демон одет в классический траурный костюм.

— Как же все это достало! От этих криков скоро на стену полезу! И чего они кричат? Боль телесная ничто. Стоит это принять, и ни одна Адская пытка не будет страшна — просто потому, что боль душевную может причинить лишь Бог.

Демон болезненно скривился и потер кулаком в районе груди: «Вот она настоящая боль, которую испытывают все ангелы, в свое время сброшенные с небес, и награждённые такими страданиями, словно вырвали кусок души, в отместку за «Его» предательство. Знал бы, что придется постоянно терпеть такое, ни за что бы не подписался... чертов Люций... Он-то теперь повелитель Ада, сильнейший из падших! А кто я? Слабейший из «Изначальных». Один Астарот, способен сожрать десяток таких и не поморщится, чего уж говорить об остальных...»

Сеера покрутил меж пальцев черный кинжал, волнистое лезвие которого источало дым. Можно, конечно, устроить небольшие каникулы — вселиться в тело смертного и от души покурлесить в царстве смертных, но надолго отсюда все равно не сбежать. Обязательно найдется какой-нибудь святой Падре и проведет ритуал изгнания. О том чтобы уйти из Ада насовсем не может быть и речи. Аккурат после войны Ангелов и Демонов, Всевышний запер тот мир для всех, объявив нейтральной территорией. С того момента, Ангелы с Демонами могут появиться там только вселившись в тело смертного. Но при этом, жизнь такого тела очень сильно ограничивается. Мало того, что доступна лишь небольшая часть истинной силы, так ещё и долговечность «сосуда» сокращается до пары месяцев. Впрочем, они и за такой короткий срок могут натворить дел. Нет, здесь нужно действовать по-другому.

Падший ангел всю последнюю тысячу лет посвятил поиску средства побега из преисподней, на что старшие «сброшенные» лишь усмехались, считая его сумасшедшим. И поиски, наконец, завершились. В руках демона древний жертвенный кинжал «Рааши», над которым сам Сеера провел множество ритуалов. Лицо демона скривилось от воспоминаний.

— Страшно представить, чего мне стоило создать это! И что теперь? Стою и как последний трус трясусь, не в силах сделать последний шаг на пути к свободе! Может, остальные правы? Я трус, неспособный ни на что стоящее? А ВОТ ХРЕН ВАМ, ВЫ ВСЕ ЕЩЕ УСЛЫШЫТЕ ОБО МНЕ, ПРИДЕТ ВРЕМЯ, КОГДА Я БУДУ ВЫТИРАТЬ О ВАС НОГИ, ЧЕРТОВЫ УБЛЮДКИ!!!

Прокричав куда-то вверх эту несомненно проникновенную речь, Сеера вонзил кинжал себе

точно в сердце. Тот вдруг начал светиться, с каждой секундой разгораясь все ярче и ярче, словно выпивая энергию из падшего. Тело демона как будто высыхало, уменьшаясь в размерах мгновение за мгновением. Кинжал засиял словно солнце, разгоняя мрак Ада на многие-многие километры. Страшный взрыв сотряс преисподнюю и не было тут того, кто бы его ни слышал. Но никто не заметил, как совсем маленький темный шар преодолел барьер и улизнул в мир живых из вечной тюрьмы демонов и грешных душ.

Небо над Сталегорском, несмотря на начало апреля, было сегодня мрачным. Шел дождь, редкие прохожие, укрывшись зонтами, куда-то спешили.

Сталегорск относительно молодой город, всего каких-то полсотни лет отроду, население примерно двести – двести пятьдесят тысяч человек, расположен в окружении гор и лесов. Город родился благодаря огромным залежам железной руды, отсюда и название. Куча металлургических заводов, не прекращали работу ни днем, ни ночью, отчего здешний воздух имел привкус железа.

В этом, ничем не примечательном роддоме, таком же как и многие другие, в одной из операционных три врача принимали роды. Операция проходила на редкость тяжело. Никто уже не надеялся, что ребенок выживет. Эту женщину привезли прямиком из местного наркопитона. Мало того, что она не состояла на учёте по беременности ни у одного из врачей здешней больницы, так ещё вдобавок к этому в ее крови обнаружилась изрядная доля алкоголя и наркотических веществ. Спустя несколько часов мучений на свет появился мальчик. Сердце ребенка не билось, его мать даже не пришла в себя, находясь в беспамятстве от употребленных накануне веществ.

Никто из людей не заметил пятого «человека», стоявшего в одном из углов палаты. В том, куда меньше всего попадал свет. Оно и неудивительно, ведь «жнецы» появляются перед смертными, только в последние секунды их жизни. В их обязанности входит лишь перерезать тонкую нить, связывающую тело и душу. В глазах врачей ничего примечательного не случилось, тогда как жнец видел светлый шар души, не успевшей замараться в грязи грехов. Она была чиста как слеза, в сравнении с «шаром» матери ребенка. Он был почти весь черный и источал серый дым, который словно выжигал телесную оболочку изнутри. Единственное светлое пятно на поверхности души стремительно темнело. Ведь именно по вине нерадивой матери погибла новая жизнь. Мальчик не успел сделать ни одного вдоха и этот грех, в отличие от других, ей не удастся смыть, даже если она очень сильно захочет.

Жнец, выглядел как представитель похоронного бюро – строгий черный костюм тройка, алый галстук, черные лакированные туфли. Ростом, около метр девяносто, с абсолютно седой головой. Его старое лицо, не выражало никаких эмоций, лишь в глазах можно было прочесть

безмерную усталость. Лицо посланника смерти скривилось от отвращения, когда он перевел взгляд на шар души только что родившей женщины. Ему сильно захотелось применить свою косу не по назначению, перерезав нить жизни матери вместо ее дитя. Но правила никогда не позволят этого сделать, и это не те законы, которые возможно обойти или нарушить. В списке выделена красным цветом только одна душа, а это значит, что здесь покинет мир живых только один смертный.

Небесный странник спустившийся с неба чтобы доставить очередную светлую душу в Рай, с нетерпением поглядывал на жнеца. Оно и понятно — не каждый день выпадает шанс увидеть свет чистого и непорочного создания. Гораздо чаще приходится лицезреть полностью вымазанный в грехе шар. Адский пёс, прибывший вместе со странником, обнюхал светящуюся сферу, чихнул с оттягом, породив небольшой язык пламени изо рта, после чего, развернувшись, поспешил удалиться из палаты, пройдя напрямик сквозь стену. Здесь, для него работы сейчас нет.

Еле слышный хлопок и лезвие жуткой косы жнеца рвет нить жизни ребенка. «Странник» взял ее обеими руками, так бережно, словно это самое дорогое сокровище во вселенной, впрочем, возможно так оно и есть. Нестерпимый, слепящий белый свет озарил палату, ангел вознесся, прихватив с собой сферу. Жнец заглянул в свой ежедневник, выделенная красным цветом строка растворилась, словно ее и не было. Работа закончена, пора удалиться. Но не успел он сделать и шага, как произошло нечто странное. Абсолютно черный шар соткался прямо из воздуха палаты, он был настолько темным, что жнец отшатнулся — аура души, источающая безмерную злобу, словно физически давила, заставляя пятиться. Посланник смерти быстро привел себя в порядок и стал с интересом наблюдать за разворачивающейся картиной, а посмотреть было на что. Шар сделал несколько оборотов вокруг мертвого ребенка и полностью втянулся в него. Спустя пару мгновений, между новой душой и телом сформировалась необыкновенно толстая нить жизни. Вместе с тем, ежедневник жнеца стал источать бледное сияние, сигнализируя о новой записи. Заглянув него, посланник увидел, как на свободном месте страницы выступают чернила, образуя черные буквы, сплетающиеся в слова.

«Новая запись? Список признал рождение? Хм... странно и одновременно интересно, что же из всего этого получится в итоге». С этими мыслями жнец растворился в пространстве. Работа выполнена, а новая запись в блокноте давала ясно понять, что время черной души ещё не пришло, все остальное неважно... интересно, но всё же не важно, ибо на всё воля Господа.

«По ту сторону жизни» прошло достаточно много времени, а для трёх врачей – лишь один миг.

— Он не дышит, мы его потеряли, — грустно констатировал один из принимавших роды.

— Не удивительно... — заговорил второй мужчина. — Слишком поздно привезли, да и в крови намешано черт-те что... чудо, что он вообще до родов дотянул.

Третий врач кивнул в сторону бессознательного тела матери ребенка и скривился от отвращения, увидев тоненькую струйку слюны, свисающую с ее губ: «Как только Господь терпит такое...»

Врач, державший тело ребенка, резко встрепенулся и уставился шальными глазами на коллег.

— Парни, он живой... сердце бьётся... только что не билось, а сейчас заработало... ничего не понимаю... это невозможно.

Врачи в ту же секунду подорвались к новорожденному, осмотрели его со всех сторон. Дыхание мальчика к тому времени выровнялось, он будто спал.

— Т...так не бывает, он ведь даже не закричал, лёгкие как будто сами раскрылись, я решительно ничего не понимаю... похоже на чудо!

— Вот так и становятся верующими! В конце концов, не ради ли таких вот чудес, мы все здесь работаем! — ответил старший из врачей.

Его голова была полностью седой, во взгляде читалась усталость. У него не было никого, ни жены, ни детей, он всю свою жизнь посвятил работе — будь она неладна. Иногда хотелось все бросить и хоть немного пожить для себя, но что-то как будто удерживало его на месте. «Быть может это знак? — подумал врач, глядя на тело спящего малыша. — Этого я и ждал». От ребенка, скорее всего, откажутся, если, конечно, мать вообще очнётся, хотя с наркоманами и алкоголиками реже всего что-то случается — даже удивительно.

Вечером, после работы, седой доктор по имени Алексей Глинкин, сидел в одном из своих любимых пабов, неспешно потягивая «Гиннес». Он хотел обдумать случившееся сегодня на операции. Дело в том, что род Алексея насчитывает десяток поколений народных целителей, причем не каких-нибудь шарлатанов, а тех, кто действительно помогал людям, не требуя за работу ровным счётом ничего. Поговаривали, что они реально обладали сверхъестественной силой. Во многом чтобы продолжить семейное дело, Алексей и пошел в медицинский. Так же как и все его предки, Алексей унаследовал частицу этой силы. Поэтому иногда он замечал то, что не предназначено для глаз смертных. Каждый раз, при смерти пациентов, он замечал некую субстанцию, которая отделялась от тела. Иногда он мог немного влиять на нее — удерживая в теле. В таких случаях, больные, которые казалось, находятся при смерти, выживали и выздоравливали. Но это случалось очень редко, и после этого Алексей всегда чувствовал мощнейший упадок сил, как будто отдал часть своей жизненной энергии.

Сегодня в родовой палате произошло нечто странное и непонятное. Мало того, что Глинкин почувствовал чужое присутствие и даже в самом темном углу смог рассмотреть черный силуэт высокого человека. Но если туда падал свет, угол всегда оказывался пустым. Когда малыш умер, от тела, как обычно, отделилась некая субстанция и почти сразу растворилась в пространстве. На этот раз Алексей не смог удержать ее и уже готов был констатировать факт окончательной смерти, как случилось что-то необъяснимое. Почти сразу, прямо из воздуха сформировалась другая субстанция, и немного помедлив, соединилась с телом ребенка.

Непонятно как, но Алексей мог сказать с точностью на все сто процентов, что эти две «взвеси» по своему характеру были разными. И если быть точным, то вторая вообще меньше всего напоминала человеческую, будучи намного темнее и, если так можно выразиться, сильнее.

Алексей глотком допил пиво и, неспешно собравшись, направился к выходу. На дворе был апрель месяц, деревья только-только начали распускать листья, просыпаясь от зимней спячки. По вечерам было ещё немного прохладно, но не настолько, чтобы заматываться в одежду как капуста в листья. Глинкин направился в парк, желая ещё немного прогуляться. Удивительно, но сегодня воздух был чист и свеж настолько, насколько мог быть таковым в городе с кучей заводов. Все время с конца рабочего дня ему не давало покоя непонятное ощущение, словно какая-то мысль все время ускользала из головы. В парке было практически безлюдно, лишь несколько пар не спеша прогуливались по тротуарам. Алексей присел на скамью почти в самом центре парка. На небе начали зажигаться звёзды, думать в такой вечер совершенно ни о чем не хотелось. Так, наслаждаясь прекрасной погодой и редкими моментами спокойствия, которых из-за работы было не так уж много, он просидел около получаса. Внезапно к нему подседа девушка. Хоть она и выглядела на двадцать пять, но ее немного грустное выражение лица выдавало в ней умудренного прожитыми годами человека.

— Добрый вечер... — начала женщина.

— Добрый... — ответил Глинкин.

— Меня зовут Ариэль... прекрасный вечер, не так ли?

— Странное у вас имя. И да, вечер поистине волшебный. Я — Алексей, — девушка еле заметно пожала плечами.

— Мы не выбираем наши имена... мой отец посчитал, что это мне подойдёт.

— Ну да, ну да, — покивал врач.

Странно, но, находясь в компании с этой женщиной, на душе стало как-то спокойно, тянуло поделиться своими «демонами».

— Вы верите в предназначение? — спросил Алексей, морально готовясь к взрыву смеха со стороны собеседницы, которого так и не последовало.

— Все мы зачем-то созданы, у всех нас есть цель в жизни... главное — не проспять момент.

Алексей хотел ещё что-то сказать, но, обернувшись, обнаружил, что его собеседница исчезла... Лишь белое гладкое перо лежало на скамье рядом с Глинкиным, как раз там, где совсем недавно сидела девушка.

Мужчина тогда и не подозревал, как изменится его жизнь ровно с этого момента...

Как и предполагал Алексей, от ребенка вскоре отказались. Его мать очнулась на следующий день после родов. Ее мозг, от постоянного принятия наркотических веществ атрофировался столь сильно, что она не могла даже вспомнить, что была беременна. Отца же ребенка, по понятным причинам, установить так и не удалось. Ребенок провел в больнице несколько месяцев, ожидая очередь в «Сиротский дом». Глинкин ещё целую неделю заходил в его палату, не решаясь сделать выбор, который должен поставить всю его жизнь с ног на голову. В конце концов, он не выдержал и пришел к главврачу, изъявив желание усыновить ребенка. Так как в сиротских домах вечно не хватает мест, за оформлением документов дело не встало, и уже через несколько дней Алексей стал отцом. Хотя мальчик так и продолжал находиться в больнице, на протяжении полутора месяцев.

В конце мая Глинкин стоял на пороге роддома с младенцем на руках.

«Вот я и ПАПА... очень странное чувство...»

Алексей ещё раз «покатал» слово на языке: «Никогда не думал, что его можно будет применить ко мне».

Спустя несколько минут, у порога затормозила старенькая «Шевроле-Нива» откуда вышел такой же седой человек, как и Алексей, только намного старше.

— Ну что дед встречай внука! — сказал Алексей, и они оба со смехом уселись в машину...

<http://tl.rulate.ru/book/47783/1145101>